

ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНСТИТУТОВ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ*

ШИРЯЕВ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат экономических наук,
преподаватель кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: shiriaev@sfedu.ru

Данная статья посвящена изучению методологии идентификации институтов в институциональной экономике. Выделяется различие подходов старого и нового институционализма. Выделенное различие подходов трактуется в контексте сравнения методологии прагматизма и постпозитивизма. В данной статье представлено применение постпозитивистского подхода к идентификации институтов.

Приводится пример изучения института власти-собственности. Идентификация этого института в работах историков и экономистов основана на ряде теоретических обобщений и подкреплена рядом исторических фактов. Другой пример состоит в идентификации институтов и институциональных изменений в сфере высшего образования на основе дискурсивного анализа и проведения интервью с участниками деятельности в рассматриваемой сфере. В данной работе также проводится анализ институтов, регулирующих высшее образование, и предлагается расширение концепции власти-собственности на сферу высшего образования путем выдвижения гипотезы о существовании в данной сфере института государственного управления-регулирования. Данный институт предписывает акторам в сфере высшего образования действовать в соответствии с задачами государственной политики, что может быть осуществлено только в форме бюрократизации высшего образования. В статье рассмотрены регулярности поведения, формируемые идентифицированным институтом. Функционирование института государственного управления-регулирования в сфере высшего образования проиллюстрировано примерами регулярностей поведения, возникающих в результате деятельности в соответствии с данным институтом. Также в статье показаны возможности опровержения выдвинутой гипотезы.

Ключевые слова: институциональная экономика; идентификация институтов; высшее образование; институт власти-собственности; институт государственного управления-регулирования.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ: Грант № 15-32-01019 «Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области)».

APPROACHES TO IDENTIFICATION OF INSTITUTIONS IN INSTITUTIONAL ECONOMICS

IGOR M. SHIRIAEV,

*Department of Economic Theory,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: shiriaev@sfedu.ru*

The paper deals with the methodology for identification of institutions from institutional economics perspective. The differences between the perspectives provided by old and new institutional economics are highlighted. These differences are interpreted in the context of compared pragmatist and postpositivist methodologies. This paper applies to the post-positivist approach to the identification of institutions.

One example of institution is provided by power-property institution. Identification of this institution in the historical and economic research is based on several theoretical generalizations and supported by array of historical facts. Another example is provided by identification of institution and institutional change in higher education based on discourse analysis and interviews with the main actors. In this paper, the regulatory institutions of higher education are analyzed as well. The concept of power-property institution is extended to the higher education by proposing hypotheses on the functioning of state governing-regulating institution in this sphere. This institution prescribes the actors to behave in accordance with the objectives of public policy, which can only be implemented in the form of bureaucratization of higher education. The paper describes the behavioral regularity generated by an identified institution. Functioning of the governing-regulating institution in higher education is illustrated by examples of behavioral regularities emerging from activities in accordance with this institution. The paper also shows the possibility of falsification of proposed hypothesis.

Keywords: *institutional economics; identification of institutions; higher education; power-property institution; institution of state governing-regulation.*

JEL: *B52, I23.*

1. Постановка проблемы идентификации институтов

Как правило, экономисты рассматривают утверждения о существовании некоторого института как не требующие доказательств. Например, обыкновенно не подвергается сомнению существование института собственности. Существование более специфических институтов, таких как институт власти-собственности в России (Нуреев, 2006), утверждается с приведением пояснений о том, в чем состоят особенности предписаний данного института. Такой подход к идентификации или выявлению институтов оказывается уязвим в контексте нестандартного подхода к трактовке институтов, при котором произвольное экономическое явление трактуется как институт. В данном случае институциональная экономика сталкивается с проблемой идентификации институтов.

Данная проблема в явном виде была сформулирована в статье У. Нила «Институты» (Neale, 1987). У. Нил отмечает, что институты не являются некоторыми непосредственно наблюдаемыми целостными объектами, а представляют «способ разделения социальной и культурной организации общества на компоненты, значимые для членов этого общества и, следовательно, для наблюдателей и аналитиков, изучающих общество» (Neale, 1987. P. 1181). Существует «свобода или гибкость» в определении институтов различного уровня общности. Институты невозможно наблюдать непосредственно, но можно наблюдать деятельность людей в различных ситуациях и выявлять компоненты институтов. Институты, согласно У. Нилу, можно идентифицировать на основе их изучаемых характеристик, таких

как: 1) наличие ряда людей, осуществляющих некоторую деятельность; 2) существование правил, придающих деятельности повторяющийся характер, стабильность и предсказуемость; 3) существование «общественного мнения» (folkviews), объясняющего или оправдывающего деятельность и правила. Акторы и правила их деятельности могут быть изучены путем наблюдения за деятельностью. Изучение «общественного мнения» требует проведения опроса респондентов и дает исследователю понимание смысла изучаемой деятельности.

У. Нил придерживается подхода старого институционализма и считает, что составляющие институтов могут быть наблюдаемы. Предполагается возможность в сущности дедуктивного способа определения институтов. На основе наблюдения коррелированного поведения делается предположение о существовании правила, которое регулирует данное поведение. Данная гипотеза проверяется путем опроса акторов. Сходство ответов на вопрос о причинах рассматриваемых схожих действий свидетельствует о том, что деятельность регулируется некоторым институтом.

В дальнейших исследованиях продолжает сохраняться интерес к проблеме методов, позволяющих выявлять новые институты и проверять существование уже кем-либо выявленных институтов. Сложилось, по меньшей мере, два подхода к идентификации или выявлению институтов. Один из подходов представлен концепцией идентификации релевантных институтов, предложенной А. Грейфом (*Грейф, 2013*). Другой подход, предложенный В. М. Ефимовым, предполагает обнаружение правил и выявление верований акторов в результате дискурсивного анализа (*Ефимов, 2014*).

2. Подходы к идентификации институтов в новой и старой институциональной экономике

Концепция институтов А. Грейфа относится к новой институциональной экономике. В соответствии с подходом А. Грейфа, при идентификации институтов может применяться сочетание индуктивного и дедуктивного метода. А. Грейф противопоставляет данные методы исследования, рассматривает их возможности и ограничения, приходя к выводу о том, что индуктивный и дедуктивный методы должны применяться совместно и последовательно.

Индуктивный метод исследования институтов состоит в выделении и классификации институтов на основе наблюдаемых свойств (*Грейф, 2013. С. 349*). Эмпирический характер данного метода проявляется в ходе констатации фактов относительно результатов деятельности. Затем эти результаты деятельности трактуются как наблюдаемые свойства институтов, выделяются наблюдаемые институциональные компоненты (правила и организации). У институтов имеются как наблюдаемые, так и ненаблюдаемые свойства и компоненты. Эмпирические методы позволяют устанавливать те свойства и компоненты институтов, которые являются наблюдаемыми. Согласно А. Грейфу, «институциональный анализ требует выхода за рамки эмпирических методов» (*Грейф, 2013. С. 31*) с целью изучения институциональных компонентов, которые не являются непосредственно наблюдаемыми (то есть для выявления убеждений и норм).

Построение полностью дедуктивной теории институтов, согласно А. Грейфу, является невозможным, но применение дедуктивного метода является необходимой частью исследования институтов. Индуктивный метод даёт возможность сформулировать гипотезу относительно существования определенного института. Сначала на основе общих теоретических соображений и эмпирических фактов выдвигается гипотеза о существовании некоего института и формализуется с использованием контекстуальной модели. Затем применяется дедуктивный метод (точнее, гипотетико-дедуктивный метод): на основе гипотезы делаются потенциально проверяемые предсказания, путем проверки сделанных предсказаний проводится оценка гипотезы, что позволяет в итоге принять, отвергнуть или изменить гипотезу.

Старый институционализм, в отличие от нового, в большей мере опирается на применение индуктивных методов исследования, что проявляется в концепции дискурсивного анализа институтов В. М. Ефимова. В соответствии с дискурсивной парадигмой, для выявления правил, которым следуют акторы, исследователь должен анализировать дискурсы акторов и выявлять их верования и убеждения. В. М. Ефимов придерживается конструктивистского представления о научном исследовании, что предполагает концентрацию внимания исследователя на способах построения экспериментальных ситуаций, а не на способах построения, верификации и фальсификации теорий (Ефимов, 2014. С. 31-32).

Согласно В. М. Ефимову, экономическое исследование должно опираться на дискурсивную методологию и проходить через три этапа: 1) построение экспериментальной ситуации; 2) контакты с акторами, сбор и систематизация информации; 3) расширение области исследования (Ефимов, 2011. С. 30).

Важным отличием подхода В. М. Ефимова от подхода А. Грейфа является признание принципиальной возможности наблюдения всех интересующих исследователя элементов института. Существование ненаблюдаемых институциональных элементов не предусмотрено. Институты не могут быть описаны точнее, чем с помощью описаний, сделанных акторами, вовлеченными в функционирование института. Не учитывается, что некоторые особенности функционирования институтов могут быть частью «неявного знания» и не могут быть потенциально сформулированы в явном виде, например, в виде текстов, или высказаны респондентами в виде историй.

В статье В. В. Вольчика, Ю. В. Филоненко и Д. Д. Кривошеевой-Медянцева (Вольчик, Филоненко и Кривошеева-Медянцева, 2015) развивается подход в русле старого институционализма к идентификации институтов и институциональных изменений. В качестве метода исследования авторами было выбрано интервью с представителями основных групп участников образовательной деятельности. В ходе исследования путем обобщения ответов на вопросы о происходящих изменениях в системе высшего образования был выявлен ряд институциональных изменений.

Необходимо учитывать, что респонденты могут иметь неполное или искаженное представление о правилах и нормах их деятельности. Респонденты могут искажать или скрывать информацию о правилах, как с риторическими целями, так и с целью введения в заблуждение. Наличие возможных несоответствий реальности в источниках эмпирической информации об институтах определяет целесообразность критического подхода к утверждениям респондентов. Также необходимо разграничивать личные этические оценки респондентов и суждения о существующих правилах и нормах.

3. Выдвижение и проверка гипотез о существовании институтов и институциональных элементов

Постановка задачи выявления институтов ведет к необходимости четкого определения понятия институтов, которое было бы совместимо с пониманием институтов в работах других исследователей. Примеры многообразия трактовок институтов представлены в статье В. Л. Тамбовцева (Тамбовцев, 2015а). Различия трактовок понятия институтов затрудняют выбор наиболее приемлемого определения. Представляется возможным взять за основу одно из наиболее известных определений институтов, данное Д. Нортон, согласно которому «институты - это правила игры в обществе или, более формально, созданные людьми ограничения, которые структурируют взаимодействия между людьми» (North, 2016. P. 74). Многие известные определения институтов являются некоторой модификацией определения Д. Норта. Например, по определению Дж. Ходжсона, институты - это «интегрированные системы правил, которые структурируют социальные взаимодействия» (Hodgson, 2015).

Альтернативой является определение институтов как самих регулярностей поведения, то есть определение институтов через поведение. Дж. П. Смит, Ф. Бьюкенс и С. дю Плесси рассматривают институты через призму

институциональных фактов, которые могут быть сведены к определенным (мотивированным) индивидуальным действиям. Институты описываются в терминах действий и стимулов (*Smit, Buekens and du Plessis, 2014; 2016*). Также «большинство теоретико-игровых исследований институтов сводят институты к поведенческим паттернам, для осуществления которых у игроков имеются стимулы» (*Hédoin, 2017. P. 43*). Данный подход не рассматривает знания о правилах и нормах, которые имеются у индивидов, но не воплощаются в наблюдаемой деятельности.

Ф. Хиндрикс и Ф. Гуала разработали концепцию институтов как «правил в равновесии», обобщающую подход к институтам как правилам, теоретико-игровой подход с точки зрения равновесия и идею о способности игроков представить равновесие в символической форме (*Hindriks and Guala, 2015a; 2015b*). «Правила в равновесии», согласно такому подходу, «суммированы агентами с применением какого-либо символического представления» (*Hindriks and Guala, 2015a*), то есть они представлены в явном виде. Данный подход акцентирует внимание на анализе уже сформулированных правил и встречает затруднения при идентификации неформальных норм, не представленных в явном виде. Подобная ограниченность характерна также для исследований, в которых институты отождествляются с формальными институтами и вместо «неформальных институтов» применяется термин «культура» (*Alesina and Giuliano, 2015*).

При условии, что принимается предпосылка У. Нила о «гибкости» группировки правил и норм в объединяющие их институты, первостепенной задачей при выявлении институтов является выявление институциональных элементов, а затем уже их систематизация и выделение институтов. В данной работе предлагается подход к выявлению институциональных элементов, основанный на постпозитивистской методологии. В таком случае задача состоит в выдвижении гипотез о существовании некоторых институциональных элементов, из которых могут быть выведены потенциально фальсифицируемые следствия, например, предсказания о потенциально наблюдаемых регулярностях поведения.

«Существование правила вовсе не обязательно обуславливает наблюдаемые регулярности» (*Тамбовцев, 2014. С. 131*). Тем не менее при наличии некоторой регулярности возможно выдвижение гипотезы о наличии правила, которое порождает эту регулярность. Если наблюдаемую регулярность поведения не удастся объяснить более простыми способами с помощью естественных законов, то возможным объяснением закономерности является существование некоторых правил и механизмов их выполнения.

Регулярность поведения, создаваемая институтами, проявляется в повторяемости взаимодействий индивидов и в сходстве целей и способов деятельности, избираемых разными индивидами. Наблюдение такой регулярности в ряде случаев дает основание выдвинуть гипотезу о наличии некоторого институционального элемента (правила, нормы), создающего данную регулярность. Проверка данной гипотезы предполагает рассмотрение множества других аналогичных ситуаций. Отсутствие искомой регулярности поведения в аналогичных ситуациях дает основание отклонить гипотезу о наличии некоторого институционального элемента. Проявлением подобной регулярности может быть сходство ответов разных респондентов на один и тот же вопрос.

4. Выявление институтов в условиях институциональных изменений

Любой институт должен рассматриваться в контексте времени и места его существования. Проведенное исследование рассматривает институты, регулировавшие российское высшее образование в 2010-х гг. Качественные методы исследования (наблюдения, интервью) применены только к высшему образованию Ростовской области, но рассмотрение других теоретических исследований по экономике образования позволяет распространить выводы на высшее образование в России в целом.

Представляется целесообразным развитие концепции власти-собственности (Нуреев, 2006) в русле постпозитивистского подхода с помощью выдвижения новых «вспомогательных гипотез» (Лакатос, 1995), образующих защитный пояс данной исследовательской программы, с целью увеличения эмпирического содержания концепции власти-собственности. Если институт власти-собственности является основополагающим в рамках российского хозяйственного порядка, то он должен иметь проявления в различных сферах экономики. Представляется возможным предположить, что существуют проявления данного института в российском высшем образовании. Анализ субъектов, инициировавших изменения в высшем образовании, позволяет выявить роль власти в функционировании институтов высшего образования и трактовать эти институты в качестве «принудительных»¹. В качестве основной движущей силы институциональных изменений, как правило, рассматривается министерство образования и науки.

Формализация и бюрократизация высшего образования ведет как к созданию, так и к рассеиванию ренты². В данных условиях появление новых технических возможностей ведет к расширению регулирования, а не увеличению свободы. Государственная политика направлена на поддержку лидирующих вузов, что ведет к росту концентрации на рынке образовательных услуг высшего образования. Успешность вузов зависит «от результатов административной конкуренции в высших эшелонах власти» (Балацкий, 2013. С. 18). Таким образом, наблюдается устойчивое, но неэффективное функционирование институтов государственного регулирования высшего образования.

5. Этапы идентификации институтов

Идентификация институтов может быть осуществлена в результате применения последовательности таких действий, как 1) формулировка определения некоторого института как системы институциональных элементов определенного рода, 2) выдвижение гипотез о существовании данных институциональных элементов, 3) выведение следствий о наличии регулярностей поведения, 4) иллюстрация сформулированных регулярностей примерами, основанными на проведенных опросах или наблюдениях, 5) обсуждение альтернативных возможностей объяснения наблюдаемых фактов, 6) формулировка условий, при которых построенная концепция некоторого института должна быть признана ложной и отброшена.

Отдельную сложность представляет собой выбор терминологии для наименования идентифицируемого института. Представляется желательным не приумножать количество терминов, за исключением тех случаев, когда использование имеющихся терминов может создать некорректное представление об исследуемом институте. В качестве развития концепции института власти-собственности в данной работе предлагается использовать термин «институт государственного управления-регулирования в сфере высшего образования». Управление предполагает манипуляцию объектом, регулирование предполагает манипуляцию действиями других субъектов. В случае «управления-регулирования» наблюдается превращение субъектов в объекты, при условии отсутствия у них власти. В сфере высшего образования государство предъявляет вузам требования к качеству образования и к соблюдению формальных процедур. При осуществлении «регулирования» государство обеспечивает соответствие реально оказываемых образовательных услуг условиям договора вуза со студентом. В данном случае учитываются интересы работников вуза и студентов. При осуществлении «управления» государство обеспечивает соответствие оказываемых образовательных услуг провозглашаемым «интересам общества». Государство рассматривает вузы как организации, которые должны реализовывать цели государственной политики. При осуществлении «управления-регулирования» интересы работников вуза и студентов

¹ О разграничении добровольных и принудительных институтов см. (Colombatto, 2013).

² Об академической ренте см. (Балацкий, 2014).

учитываются только тогда, когда они соответствуют целям государственной политики. Важнейшим проявлением данного института является бюрократизация в высшем образовании. Бюрократизация не является следствием стремления руководства вуза служить интересам работников вуза и студентов. Бюрократизация вузов является неизбежным следствием их приспособления к требованиям, предъявляемым регулируемыми органами (Вольчик и др., 2016).

В рамках предлагаемого определения институт государственного управления-регулирования в сфере высшего образования включает в себя следующие элементы: требование соответствия содержания обучения федеральным образовательным программам, в том числе требование «формировать компетенции», требование представлять содержание обучения в виде особым образом оформленных документов (основная образовательная программа, аннотация образовательной программы, рабочий учебный план), требование к преподавателям представлять планы их дальнейшей деятельности в виде оформленных документов (индивидуальный план преподавателя), требование к вузам представлять данные для проведения мониторинга эффективности, правило о выдаче дипломов государственного образца, регулирующие организации (Минобрнауки, Рособрнадзор). Данный перечень может быть изменен по результатам более глубокого исследования. Гипотезы о существовании выделенных институциональных элементов представляются совершенно реалистичными.

Рассмотренные правила и организации предписывают актерам в сфере высшего образования некоторые действия, а некоторые действия запрещают. С учетом существующих правил разумно ожидать такие регулярности поведения, как составление преподавателями рабочих программ дисциплин (РПД), аннотаций к РПД, фондов оценочных средств (ФОСов), содержащих упоминание о формируемых предметах компетенциях, составление документации к образовательной программе руководителями образовательных программ или другими ответственными лицами, которым была делегирована данная обязанность, составление преподавателями индивидуального плана преподавателя, составление административными работниками вуза отчета по результатам самообследования, получение выпускниками дипломов государственного образца, функционирование регулирующих организаций.

Иные возможности объяснения наблюдаемых регулярностей предлагаются как в рамках институциональной экономики, так и в некоторых междисциплинарных исследованиях. С позиции институционального подхода современное состояние российского высшего образования описывается в рамках концепций человеческого и социального капитала (Вольчик и Кривошеева-Медянцева, 2016; Налетова, 2015), групп интересов (Ширяев, 2014), уровня формализации деятельности преподавателей (Курбатова и др., 2014), переговорной позиции работников (Курбатова, Каган и Апарина, 2015), оппортунизма преподавателей вузов (Курбатова и Каган, 2016), образования как доверительного блага (Тамбовцев, 2015б). Близки к институциональному подходу междисциплинарные концепции естественного уровня образования (Иванов, 2011; 2012) и привилегированного класса (Курбатова, 2012). Перечисленные концепции используют другую терминологию, но потенциально являются совместимыми с предложенной идеей института государственного управления-регулирования в сфере высшего образования. Их истинность не означает неизбежного опровержения выдвинутой в данной работе гипотезы. Потенциальной альтернативой предложенному объяснению могла бы быть концепция общественного договора в сфере высшего образования (Maassen, 2014; Деева, 2015). В концепции общественного договора выявленные регулярности могли бы быть рассмотрены как следствие взаимопонимания, доверия и согласия выполнять обязательства сторонами «общественного договора» (основными группами интересов в высшем образовании).

Опровержение предложенной в данной работе концепции института государственного управления-регулирования в сфере высшего образования может стать целью другого исследования. В проведенном исследовании могут быть только указаны условия, при которых предложенная концепция должна быть отброшена. К таким условиям относятся следующие гипотетические факты:

1. Поведение акторов в сфере высшего образования не демонстрирует наличия выделенных в данной работе регулярностей. В частности, от предложенной концепции придется отказаться, если будет показано, что большинство преподавателей не составляют документацию к образовательным программам.
2. Следование акторов выявленным в данной работе требованиям (о соответствии содержания обучения федеральным образовательным программам, о представлении содержания обучения в виде документов и пр.) не является обязательным; несоответствие требованиям не ведет к санкциям.
3. Большинство акторов в сфере высшего образования рассматривает выявленные требования как полностью соответствующие их интересам.
4. Масштабы государственного регулирования высшего образования малы и не оказывают влияния на поведение акторов в сфере высшего образования.
5. Государственная политика в сфере высшего образования ведет к усилению экономической конкуренции между организациями в данной сфере, что способствует снижению цен и улучшению качества образовательных услуг.

В той мере, в какой перечисленные гипотетические факты не соответствуют действительности, можно утверждать о корректности концепции института государственного управления-регулирования в сфере высшего образования.

6. Заключение

Идентификация является важным этапом в начале исследования института. Решение данной задачи необходимо для повышения точности и преодоления расплывчатости утверждений относительно существующих институтов. Неточность и расплывчатость утверждений нередко отмечается как недостаток старого институционализма (*Блауг, 2004. С. 187*). Решение указанных проблем будет способствовать развитию институциональной теории. В данном контексте внимание институционалистов обычно было обращено на уточнение определений институтов, правил и т.д. Необходимо не только эксплицитное представление определений для используемых терминов и формулировка предпосылок исследования, но и демонстрация потенциальной опровержимости утверждений. Для демонстрации потенциальной опровержимости утверждения о существовании некоторого института необходимо из данного утверждения последовательно выводить: 1) утверждения об институциональных элементах (правилах, нормах, механизмах принуждения), входящих в данный институт, 2) утверждения о регулярностях поведения, которые следует ожидать при функционировании данного института. Утверждения о регулярностях поведения могут быть опровергнуты в результате эмпирических исследований, если будет выяснено, что поведение, которое предполагалось «регулярным», в реальности является нестандартным.

Методами идентификации институтов могут быть: 1) дискурсивный анализ, применяемый в старом институционализме (например, В. М. Ефимовым), или 2) сочетание индуктивного и дедуктивного метода в подходе А. Грейфа, или 3) применяемый в данной работе гипотетико-дедуктивный метод. В проведенном исследовании была выдвинута гипотеза о функционировании института государственного управления-регулирования в российском высшем образовании. В качестве элементов данного института трактуются предписания для руководства и сотрудников вузов, состоящие в требованиях по достижению формальных показателей качества образования. Данные предписания формируют поведенческие регулярности у акторов в сфере высшего образования, состоящие в адаптации к предписаниям и бюрократизации высшего образования. Многие рассмотренные факты могут быть непосредственно опровергнуты в результате наблюдений, а

выявление фактов, противоречащих выдвинутой гипотезе, может послужить основанием для опровержения предложенной в данной работе концепции института государственного управления-регулирования в высшем образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балацкий Е. В. (2013). Административная конкуренция на российском рынке высшего экономического образования // *Экономика образования*, № 4, с. 12-23.

Балацкий Е. В. (2014). Академическая рента в период реформ: анатомия диссипации // *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*, № 5, с. 157-171.

Блауг М. (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики».

Вольчик В. В. и Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2016). Реформы в сфере высшего образования: роль институтов и социального капитала // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 8, № 2, с. 87-104.

Вольчик В. В., Филоненко Ю. В. и Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2015). Адаптивная рациональность, адаптивное поведение и институты // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 7, № 4, с. 138-156.

Вольчик В. В., Филоненко Ю. В., Аверкиева Е. С. и Ширяев И. М. (2016). Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, Т. 7, № 4, с. 57-71.

Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Деева Н. В. (2015). Общественный договор и проблемы современного образования в России // *Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук*, № 5-6, с. 91-93.

Ефимов В. М. (2011). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // *Экономическая социология*, Т. 12, № 3, с. 15-53.

Ефимов В. М. (2014). Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, Т. 14, Вып. 2, с. 5-51.

Иванов В. Г. (2011). «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть I // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, № 4, с. 5-28.

Иванов В. Г. (2012). «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть II // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, № 1, с. 35-56.

Курбатова Л. Н. (2012). Роль высшего образования в институционализации российского «привилегированного класса» // *Высшее образование в России*, № 5, с. 115-121.

Курбатова М. В. и Каган Е. С. (2016). Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 8, № 3, с. 116-136.

Курбатова М. В., Апарина Н. Ф., Донова И. В. и Каган Е. С. (2014). Формализация деятельности преподавателя и эффективность деятельности вузов // *Terra Economicus*, Т. 12, № 4, с. 33-51.

Курбатова М. В., Каган Е. С. и Апарина Н. Ф. (2015). Поведение работников вузов в условиях реформирования высшего профессионального образования: проблема выбора // *Социологические исследования*, № 2, с. 122-133.

Лакатос И. (1995). Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум.

Налетова И. В. (2015). Высшее образование как социальный капитал // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*, № 1(1), с. 38-43.

Нуреев Р. М. (2006). Власть-Собственность в современной России (как проблема зависимости от траектории предшествующего развития) // Интернет-конференция «Россия: варианты институционального развития». (<http://ecsocman.hse.ru/text/16207454/> - Дата обращения: 21.09.2016).

Тамбовцев В. Л. (2014). Правила как основа институтов // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 130-139.

Тамбовцев В. Л. (2015а). Институты в социологии, политологии и правоведении: взгляд экономиста // *Общественные науки и современность*, № 1, с. 115-126.

Тамбовцев В. Л. (2015б). О научных основаниях реформ в сфере высшего образования // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, № 2, с. 66-70.

Ширяев И. М. (2014). Экономическое значение образования в контексте теорий социального капитала и групп интересов // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, Т. 5, № 3, с. 55-67.

Alesina A. and Giuliano P. (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*, vol. 53, no. 4, pp. 898-944.

Colombatto E. (2013). *Markets, Morals, and Policy-Making: A New Defence of Free-Market Economics*. London, New York: Routledge.

Hédoin C. (2017). Institutions, Rule-Following and Game Theory // *Economics and Philosophy*, vol. 33, no. 1, pp. 43-72.

Hindriks F. and Guala F. (2015а). Institutions, Rules, and Equilibria: A Unified Theory // *Journal of Institutional Economics*, vol. 11, no. 3, pp. 459-480.

Hindriks F. and Guala F. (2015b). Understanding Institutions: Replies to Aoki, Binmore, Hodgson, Searle, Smith, and Sugden // *Journal of Institutional Economics*, vol. 11, no. 3, pp. 515-522.

Hodgson G. M. (2015). On Defining Institutions: Rules versus Equilibria // *Journal of Institutional Economics*, vol. 11, no. 3, pp. 497-505.

Maassen P. (2014). A New Social Contract for Higher Education? // Goastellec G. and Picard F. (eds.) *Higher Education in Societies. A Multi Scale Perspective*. Rotterdam, Boston, Taipei: Sense Publishers, pp. 33-50.

Neale W. C. (1987). Institutions // *Journal of Economic Issues*, vol. 21, no. 3. *Evolutionary Economics I: Foundations of Institutional Thought*, pp. 1177-1206.

North D. C. (2016). Institutions and Economic Theory // *The American Economist*, vol. 61, no. 1, pp. 72-76.

Smit J. P., Buekens F. and du Plessis S. (2014). Developing the Incentivized Action View of Institutional Reality // *Synthese*, vol. 191, no. 8, pp. 1813-1830.

Smit J. P., Buekens F. and du Plessis S. (2016). The Incentivized Action View of Institutional Facts as an Alternative to the Searlean View: A Response to Butchard and D'Amico // *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 46, no. 1, pp. 44-55.

REFERENCES

Alesina A. and Giuliano P. (2015). Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, vol. 53, no. 4, pp. 898-944.

Balatsky E. V. (2013). Administrative Competition on the Russian Market of Higher Economic Education. *Economics of Education*, no. 4, pp. 12-23. (In Russian).

Balatsky E. V. (2014). Academic Rent during the Reforms: Anatomy of Dissipation. *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*, no. 5, pp. 157-171. (In Russian).

Blaug M. (2004). *The Methodology of Economics: Or, How Economists Explain*. Moscow, Non-profit Partnership «Journal «Voprosy Ekonomiki»» Publ. (In Russian).

Colombatto E. (2013). *Markets, Morals, and Policy-Making: A New Defence of Free-Market Economics*. London, New York, Routledge.

- Deeva N. V. (2015). Social Contract and the Problems of Modern Education in Russia. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, no. 5-6, pp. 91-93. (In Russian).
- Efimov V. M. (2011). Towards Discursive Economics: Methodology and History of Economics Revised. *Economic Sociology*, vol. 12, no. 3, pp. 15-53. (In Russian).
- Greif A. (2013). Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Moscow, Publ. House of HSE. (In Russian).
- Hédoin C. (2017). Institutions, Rule-Following and Game Theory. *Economics and Philosophy*, vol. 33, no. 1, pp. 43-72.
- Hindriks F. and Guala F. (2015a). Institutions, Rules, and Equilibria: A Unified Theory. *Journal of Institutional Economics*, vol. 11, no. 3, pp. 459-480.
- Hindriks F. and Guala F. (2015b). Understanding Institutions: Replies to Aoki, Binmore, Hodgson, Searle, Smith, and Sugden. *Journal of Institutional Economics*, vol. 11, no. 3, pp. 515-522.
- Hodgson G. M. (2015). On Defining Institutions: Rules versus Equilibria. *Journal of Institutional Economics*, vol. 11, no. 3, pp. 497-505.
- Ivanov V. G. (2011). Natural Rate of Education as the Factor of Stability of Political Regime. Part I. *RUDN Journal of Political Science*, no. 4, pp. 5-28. (In Russian).
- Ivanov V. G. (2012). The Natural Rate of Education as the Factor of Stability of Political Regimes. Part II. *RUDN Journal of Political Science*, no. 1, pp. 35-56. (In Russian).
- Kurbatova L. N. (2012). The Role of Higher Education in Institutionalization of Russian «Privileged Class». *Higher Education in Russia*, no. 5, pp. 115-121. (In Russian).
- Kurbatova M. V. and Kagan E. S. (2016). Opportunism of University Lecturers As a Way to Adaptate the External Control Activities Strengthening. *Journal of Institutional Studies*, vol. 8, no. 3, pp. 116-136. (In Russian).
- Kurbatova M. V., Aparina N. F., Donova I. V. and Kagan E. S. (2014). Lecturer Activity Formalization and the Universities Activity Effectiveness. *Terra Economicus*, vol. 12, no. 4, pp. 33-51. (In Russian).
- Kurbatova M. V., Kagan E. S. and Aparina N. F. (2015). Behavior of University Employees during Higher Education Reformations: An Issue of Choice. *Sociological Studies*, no. 2, pp. 122-133. (In Russian).
- Lakatos I. (1995). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs. Moscow, Medium Publ. (In Russian).
- Maassen P. (2014). A New Social Contract for Higher Education? In: *Goastellec G. and Picard F. (eds.) Higher Education in Societies. A Multi Scale Perspective*. Rotterdam; Boston; Taipei, Sense Publishers, pp. 33-50.
- Naletova I. V. (2015). Higher Education as Social Fund. *Tambov University Review. Series Social Sciences*, no. 1(1), pp. 38-43. (In Russian).
- Neale W. C. (1987). Institutions. *Journal of Economic Issues*, vol. 21, no. 3. Evolutionary Economics I: Foundations of Institutional Thought, pp. 1177-1206.
- North D. C. (2016). Institutions and Economic Theory. *The American Economist*, vol. 61, no. 1, pp. 72-76.
- Nureev R. M. (2006). Power-Property in Modern Russia (As the Problem of Path Dependence). In: Internet Conference «Russia: Institutional Development Options». (<http://ecsocman.hse.ru/text/16207454/> - Access Date: 21.09.2016). (In Russian).
- Shiriaev I. M. (2014). Economic Significance of Education in the Context of the Theory of Social Capital and Interest Groups. *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 3, pp. 55-67. (In Russian).
- Smit J. P., Buekens F. and du Plessis S. (2014). Developing the Incentivized Action View of Institutional Reality. *Synthese*, vol. 191, no. 8, pp. 1813-1830.
- Smit J. P., Buekens F. and du Plessis S. (2016). The Incentivized Action View of Institutional Facts as an Alternative to the Searlean View: A Response to Butchard and D'Amico. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 46, no. 1, pp. 44-55.

Tambovtsev V. L. (2014). Rules as the institutions' cornerstones. *Social Sciences and Modernity*, no. 3, pp. 130-139. (In Russian).

Tambovtsev V. L. (2015a). Institutions in Sociology, Political Science and Law: the View of an Economist. *Social Sciences and Modernity*, no. 1, pp. 115-126. (In Russian).

Tambovtsev V. L. (2015b). The Scientific Basis for the Higher Education Reforms. *Herald of Omsk University. Series «Economics»*, no. 2, pp. 66-70. (In Russian).

Volchik V. V. and *Krivosheeva-Medyantseva D. D.* (2016). Perceptions of Higher Education Reforms in Russia: the Role of Institutions and Social Capital. *Journal of Institutional Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 87-104. (In Russian).

Volchik V. V., *Filonenko Yu. V.* and *Krivosheeva-Medyantseva D. D.* (2015). Adaptive Rationality, Adaptive Behavior and Institutions. *Journal of Institutional Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 138-156. (In Russian).

Volchik V. V., *Filonenko Yu. V.*, *Averkiewa E. S.* and *Shiriaev I. M.* (2016). Bureaucratization and Adaptive Behavior in the Higher Education. *Journal of Economic Regulation*, vol. 7, no. 4, pp. 57-71. (In Russian).

Yefimov V. M. (2014). How Capitalism, University and Mathematics Shaped Mainstream Economics. *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Urals Division of the Russian Academy of Sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 5-51. (In Russian).